

Китай 3.0. China 3.0 / Ed. Mark Leonard. London: European Council on Foreign Relations, 2012. 134 p.

XVIII съезд компартии Китая и связанная с этим событием передача власти пятому поколению лидеров КПК вызвали активную дискуссию среди китаеведов и политологов разных стран о возможных путях развития КНР. Нынешняя смена власти проходит в критический для Китая период. Усиливающееся социальное неравенство и всплески протестных настроений, обострившаяся в условиях кризиса необходимость корректировки экономической модели, усложняющаяся внешнеполитическая ситуация, а также растущий в стране спрос на демократию требуют от китайского руководства активных действий по всем фронтам. Именно поэтому вполне ожидаемый приход Си Цзиньпина спровоцировал небывало многогранную по содержанию дискуссию о возможных переменных в китайской экономике, политической системе и внешней политике.

В связи с этим сборник статей “Китай 3.0” (China 3.0) под редакцией известного британского аналитика, исполнительного директора Европейского Совета по международным отношениям, Марка Леонарда представляет особый интерес. В книге собраны работы наиболее ярких китайских ученых, посвященные широкому спектру социальных, экономических, внутри- и внешнеполитических проблем современного Китая. Явным преимуществом сборника является то, что авторы идут глубже привычных разговоров о динамике роста ВВП или перестановках в партийной иерархии и поднимают фундаментальные вопросы пересмотра существующей экономической модели, рассуждают о необходимости политической реформы и возможных путях демократизации, сомневаются в целесообразности устоявшихся внешнеполитических приоритетов. Это, несомненно, качественно новая дискуссия китайских ученых о смене “философии” развития КНР.

Основным посылом книги является попытка комплексно заявить о том, что Дэновская эпоха реформ и открытости, исчерпав себя, подошла к концу. Финансовый кризис 2008 г. выпукло обнажил изъяны сложившейся системы, и теперь КНР входит в качественно новую фазу развития под названием “Китай 3.0”, которая характеризуется необходимостью

принципиально новых реформ. Мир должен быть готов увидеть совершенно иной Китай, с другими социальными, экономическими, и политическими характеристиками. Предполагается, что грядущие перемены будут не менее значительными, чем Коммунистическая революция 1949 г. и начало рыночных реформ 1979 г. — события, обозначенные в книге как начала эпох “Китай 1.0” и “Китай 2.0” (Р. 10–11). При этом важно отметить очевидное осознание авторами того, что новая фаза развития КНР (фаза 3.0) совпадает с периодом глубокого кризиса Западного социально-экономического и политического укладов. Это, с одной стороны, лишает новых китайских реформаторов готовых легитимных моделей для заимствования и, с другой, заставляет исследователей, работающих теперь в условиях отсутствия четких нормативно-теоретических ориентиров, пытаться генерировать иные “незападные” подходы к решению накопившихся проблем.

Видятся оригинальными общая концепция и основная проблематика рецензируемой работы. Структура книги построена вокруг ответов на три типа кризисов (“ловушек”), возникших в КНР в сфере экономики, внутренней политики и внешнеполитической деятельности. Все три кризиса являются производными эпохи 2.0 и, более того, происходят от былых Дэновских приоритетов развития. Так, в экономике речь идет о “кризисе изобилия” (affluence crisis), в политической системе о “кризисе стабильности” (stability crisis), во внешней политике о “кризисе мощи” (power crisis). Первый кризис указывает на необходимость пересмотра существующей установки на экономический рост любой ценой; второй говорит о том, что одержимость руководства сохранением политической стабильности становится контрпродуктивной; третий предвещает отказ от политики сокрытия своих возможностей “*таогуан янхуэй*” и от невмешательства в международные дела. С конца 70-х три приоритета — повышение достатка общества, политическая стабильность, воздержание от активной внешней политики — лежали в основе развития страны. Теперь, после финансового кризиса 2008 г., они стали главным источником беспокойств и, по мнению авторов книги, замедляют

дальнейшее развитие. Китай 3.0. будет эпохой поиска решений этих проблем (Р. 10).

В книге представлены самые разные взгляды на “три кризиса” и варианты их решения. Среди авторов есть “новые правые” и “новые левые,” рыночные эгалитаристы, либералы и неоконсерваторы, неомоаисты, глобалисты, реалисты и националисты. Будучи таким “сборником взглядов,” книга не приходит к однозначному заключению, а показывает срез основных дискуссий о будущем Китая, что и было заявлено в качестве основной цели — ввести западного читателя в курс основных направлений интеллектуального поиска китайских ученых в области решения экономических, политических и внешнеполитических проблем страны (Р. 11).

“Кризис изобилия” и экономические перспективы КНР

Общей темой статей данного раздела являются методы борьбы с “кризисом изобилия,” возникшим в результате злоупотребления руководством КНР погоней за ВВП любой ценой. Финансовый кризис 2008 г. показал, что одержимость культом роста ВВП, возникшая в эпоху Дэна, породила опасные экономические пузыри, чрезмерную зависимость от экспорта, спровоцировала острое социальное неравенство, а также привела к недофинансированию социального сектора при колоссальных тратах на “тщеславные”, но не востребованные, строительные проекты. Все это, по мнению авторов, указывает на необходимость пересмотра парадигмы развития (Р. 12–16). При этом подходы к выходу из “ловушки изобилия” крайне неоднозначны.

“Новые Левые”¹ считают, что решение сложившихся проблем заключается в государственном планировании, тогда как “правые” верят, что необходимо дать волю предпринимательской энергии, приватизировав активы всех государственных компаний.

Подходя “слева”, профессор университета Цинхуа Цуй Чжиюань утверждает, что взаимодействие частного бизнеса с государственной собственностью не является игрой с нулевой суммой. Ученый видит перспективным создание смешанной модели “соразвития” государственного и частного секторов экономики, в которой госсобственность и планирование способствуют развитию бизнеса. Это, по мнению Цуй Чжиюаня, позволит переориентироваться на внутренний спрос, уменьшить зависимость от экспорта, а также сократить неравенство между городом и деревней. В качестве

примера, которому должен последовать весь Китай, ученый приводит город Чунцин, власти которого внедряли инновационные проекты в области земельной и миграционной политики, предоставляя трудовым мигрантам из деревень, проработавшим в городе более пяти лет, возможность добровольно обменивать свои участки на земельные сертификаты, а также получать городскую регистрацию *хукоу*. Земельные сертификаты новые горожане могли обменивать на деньги, что делало жизнь в городе намного комфортнее. Эти меры, по мнению ученого, ликвидируют социальную дискриминацию сельских жителей, стимулируют внутренний спрос, а также создают базис для интеграции города и деревни (Р. 26–32).

Другой представитель “новых левых” — профессор Ван Шаогуан считает, что Китай вступает на новый путь развития — “социализм 3.0”. Выступая против свободного рыночного капитализма, Ван отсылает читателя к работам американского экономиста Дж. К. Гэлбрэйта, посвященным возникшему в США в середине 20-го века “обществу изобилия,” когда рост потребления (например, появление у каждого автомобиля) происходил в отсутствии адекватных этому потреблению общественных благ (отсталая инфраструктура, недостаток полицейских и больниц). С приходом “стадии изобилия” рост потребления и личных доходов перестает улучшать благосостояние общества. Наступает состояние частного великолепия и общественной нищеты, когда для дальнейшего развития необходимо повышение инвестиций в общественные блага. Ван Шаогуан убежден, что после того как подушевой ВВП в Китае в 2002 г. превысил 4000 \$, и проблема накормить и одеть население была практически разрешена, вступил в действие закон убывающей предельной полезности располагаемых доходов населения. Теперь правительство должно активно перераспределять средства в важные для всего общества сферы, такие как социальное жилье, общественная безопасность, защита окружающей среды, здравоохранение, образование, инфраструктура, культура, искусство, наука и технологии. Это позволит повысить общие стандарты жизни в КНР и значительно уменьшить социальное неравенство (Р. 60–68).

По мнению другого участника дискуссии — экономиста Юй Юндина, названного в книге “рыночным эгалитаристом” (Р. 11), китайская экономика нуждается в немедленных структурных реформах. Ученый считает, что опора на инвестиции и экспорт, будучи необходимой на ранних стадиях реформ, теперь сулит

негативные последствия, особенно если учесть, что доля инвестиций в ВВП Китая достигла 50% (10% из которых составляют инвестиции в недвижимость), а отношение экспорта к ВВП превысило 35% (Р. 41). Такая модель развития, по мнению Юй Юндина, нежизнеспособна. Китаю необходимо перейти к модели, основанной на внутреннем спросе и на потреблении вместо опоры на экспорт и инвестиции, особенно если речь идет об инвестициях в недвижимость. Ученый признает, что институциональные реформы будут болезненными и замедлят рост ВВП. Но они необходимы, и в случае успеха позволят китайской экономике расти со скоростью 8% в год еще в течение 10–20 лет (Р. 40–46).

Все три вышеизложенные точки зрения, таким образом, видят государство в качестве основного регулятора и гаранта дальнейшего роста, а также подчеркивают необходимость государственного вмешательства в экономические процессы. С противоположными подходами к выводу КНР из ловушки изобилия выступают авторы правого толка — известные экономисты Чжан Вэйин и Линь Ифу, а также представительница журналистского сообщества Ху Шули.

Чжан Вэйин дает низкую оценку качественной составляющей китайской экономики. Он утверждает, что экономическая деятельность в КНР основана на привилегиях, а не на правах, и что китайское государство не может полностью перейти от «логики грабежа» к логике рынка. По мнению ученого, в Китае все еще отсутствуют три ключевые элемента рыночной экономики: свобода, защита прав собственности и предпринимательство. Говоря о свободе, Чжан Вэйин утверждает, что в Китае далеко не все могут выбирать, чем заниматься, что производить и какие организации создавать, и что существующие ограничения основаны не на универсальных правах, а на привилегиях, носящих дискриминационный характер. Права собственности, являясь необходимым условием инновационной деятельности, также до сих пор не защищены, о чем свидетельствуют принудительные отчуждения собственности китайскими властями. Вследствие отсутствия гарантий свободы и частной собственности, многие китайские предприниматели вынуждены подстраиваться под механизмы сбора коррупционной ренты вместо того, чтобы создавать инновации. Чжан Вэйин считает, что необходимо возобновить прерванную приватизацию госпредприятий и земли, а также дать право частному сектору заниматься финансо-

выми операциями (Р. 54–60).

В поддержку углубления рыночных реформ также выступает известная журналистка Ху Шили, обвиняющая “левых” экономистов в пренебрежении историческим опытом и попытках повернуть развитие Китая вспять. По ее мнению, те проблемы китайской экономики, которые “левые” используют в качестве доказательства провала рыночно-ориентированных мер, на самом деле присущи любой экономике переходного периода и, более того, коренятся в дореформенной системе. В своей статье “Китай: оставаясь на пути реформ” Ху Шили призывает воспользоваться подорванным положением “левых”, вызванным снятием с поста политического реализатора их идей Бо Силая, для ускорения окончательного перехода к рыночной экономике (Р. 68–74).

В противоположность вышеприведенным подходам, так или иначе указывающим на необходимость перемен, Линь Ифу — один из ведущих экономистов Всемирного Банка, считает, что никаких радикальных реформ китайская модель развития не требует. Китай сохраняет значительный резерв “отсталости”, который гарантирует ежегодный 9%-й рост ВВП еще как минимум 10, а то и 20 лет. Ученый приводит данные, согласно которым относительно экономики США китайская экономика находится сейчас на тех же позициях, что и экономика Японии в 1951 г., Сингапура в 1967 г., Тайваня в 1975 г. и Южной Кореи в 1977 г., при этом ВВП Японии с 1951 по 1971 г. ежегодно рос на 9,2%, Сингапура с 1967 по 1987 г. — на 8,6%, Тайваня с 1975 по 1995 г. — на 8,3% и Кореи с 1977 по 1997 г. — на 7,6%. Учитывая, что китайская модель развития схожа с моделями этих стран, КНР можно ожидать 8%-го роста еще 20 лет. При этом ученый подчеркивает необходимость активных технологических заимствований, что на данной стадии развития, для Китая дешевле и предпочтительней, чем развитие своих новых технологий (Р. 46–54).

Таковы подходы ведущих китайских экспертов к экономическим проблемам эпохи “3.0.” Траектория выхода Китая из “ловушки изобилия” также будет зависеть и от политической ситуации в стране — вопрос, которому посвящен второй раздел книги.

“Кризис стабильности” и политическая реформа в КНР

Объединяющей проблематикой статей данного раздела является проблема политической реформы в КНР, обсуждение которой

впервые за десятилетия вышло на передний план как академических, так и политических дискуссий. Если после трагических событий на площади Тяньаньмэнь и распада СССР неоспоримым внутриполитическим приоритетом КНР стала гарантия стабильности, то сейчас все более отчетливо всплывают рассуждения о возникшей “ловушке стабильности” — убежденности в том, что одержимость стабильностью и отказ от политических реформ становятся контрпродуктивными, поскольку, в конечном итоге, усиливают социальную напряженность в стране⁵. Так, если в 1995 г. в Китае насчитывалось около 9 тыс. насильственных массовых протестов, то к 2011 г. эта цифра возросла до 180 тыс. Это означает, что крупный протест в Китае сейчас происходит каждые 2 минуты (Р. 17). Как существующему режиму погасить усиливающуюся социальную напряженность и восстановить легитимность?

Представленные в данном разделе статьи предлагают два общих подхода к выходу из “ловушки стабильности.” Либеральные ученые выступают за институциональные инновации, ограничивающие власть государства, среди которых, главным образом, внедрение выборной системы на разных уровнях и развитие механизмов участия граждан в политике. Представители же “неоавторитарных” взглядов считают, что при существующих изъянах системы (пренебрежение законом, nepотизм, коррупция и растущее влияние групп интересов) либеральные реформы приведут к еще большей бюрократизации и к неэффективности власти. Они убеждены, что только сильное харизматичное лидерство, способное на радикальные меры, а также эффективная партийная организация помогут Китаю справиться с “кумовским” капитализмом, загоняющим страну в еще большее социальное неравенство.

С либеральных позиций о политической ситуации рассуждает Сяо Бинь — профессор университета Чжуншань в Гуанчжоу. Он утверждает, что свобода прессы, активизация гражданского общества и политическая открытость являются эффективными методами гашения социальной напряженности. Ученый анализирует ситуацию в провинции Гуандун, где одновременно с децентрализацией власти бизнес был наделен большей свободой, а полномочия местных властей ограничены. Правительство перешло от прямого регулирования экономики к выработке “правил игры” и надзору за их соблюдением. Одновременно создавались различные формы консультативной демократии и стандартизировались механизмы гра-

жданского волеизъявления. Немаловажную роль также сыграли меры повышения прозрачности, согласно которым бюджет провинции стал открытым общественному вниманию. Эти меры ограничили власть и усилили правопорядок, что гарантировало необходимую для экономического роста политическую и социальную стабильность (Р. 32–40).

Опыт провинции Гуандун также привлёк внимание профессора социологии Сунь Липина — бывшего научного руководителя Си Цзиньпина и активного сторонника либерализации. Сунь Липин убежден в том, что главную угрозу стабильности в Китае представляют не беспорядки, а социальный застой. Решение ученый видит в наличии для граждан возможностей выражать свои требования и защищать свои права. Успешным примером, по мнению Сунь Липина, служит разрешение инцидента в деревне Укань, где в декабре 2011 г. произошли столкновения полиции с крестьянами, требовавшими вернуть земли, сданные правительством в аренду. Эпохальность уканьских событий заключается в том, что протестный инцидент завершился демократическими выборами деревенских представителей. Более того, местные власти не наказали повстанцев, а позволили им занять выборные должности. Так, один из организаторов протеста — Линь Цзулуану — стал главой компартии в деревне; арестованный Хун Жуйчао был избран в электоральный комитет; а дочь Сюэ Цзиньбо — предводителя демонстрантов, умершего в полицейском участке, была избрана одним из представителей деревни. По мнению Сунь Липина, “уканьская модель” свидетельствует об эффективности демократических механизмов в смягчении социальной напряженности. Повсеместное использование таких механизмов позволит найти необходимый баланс между защитой гражданских прав и сохранением стабильности (Р. 74–80).

Другой сторонник демократизации — Ма Цзюн — утверждает, что даже в отсутствии конкурентных выборов китайское правительство становится все более подотчетным гражданскому обществу, что в перспективе изменит политический режим КНР. Признавая, что переход к выборной демократии безальтернативен, ученый считает, что выборы — это не панацея и не обязательный первый шаг на пути к демократии. В отличие от Запада, в Китае выборы могут стать *дополнением* к другим механизмам контроля над властью, среди которых дискуссионная демократия (*deliberative democracy*), подразумевающая включение граждан в процесс обсуждения социальных реформ, опросы

общественного мнения, референдумы, неправительственные организации, Интернет-форумы и т.д. Все эти механизмы артикуляции и агрегирования гражданских предпочтений более эффективно транслируют сигналы общества властям, что приводит к большей отзывчивости политической системы. Дальнейшее движение в этом направлении, по мнению Ма Цзюня, с одной стороны, обеспечит стабильность и, с другой, создаст благоприятные условия для перехода к выборной демократии в будущем (Р. 80–88).

С иным пониманием политической ситуации в Китае выступают сторонники неоконсервативного и неоавторитарного подходов — Пань Вэй и Ван Хуэй.

Статья Пань Вэя посвящена “новому подходу к сохранению стабильности” — *вэй-вэнь* (Р. 88), согласно которому необходимо возродить “естественные общины” (natural communities) (Р. 88), существовавшие в Китае тысячелетия, но постепенно уничтоженные сначала маоизмом, а потом рыночной экономикой. Ослабление коммунитаризма представляется главной причиной кризиса общественных ценностей и основным источником нарастающей нестабильности. Дело в том, что государственная машина КНР, будучи эффективной для решения национальных задач, плохо приспособлена для “разруливания” мелких проблем повседневной жизнедеятельности людей. Между тем, нарастание таких проблем и невозможность их разрешения на уровне общины формируют нескончаемый поток дезорганизованных требований, движущийся вверх по лестнице политической иерархии к высшим эшелонам власти, которые неспособны на эти требования реагировать. Это создает ощущение несправедливости в обществе и становится основным источником раздражений. Ученый убежден, что только естественные общины позволяют эффективно разрешать тривиальные проблемы в “низах” и создавать необходимые соединения между обществом и властью. Важно отметить, что автор указывает на необходимость способствовать самоорганизации граждан. Реформа политического режима в КНР, таким образом, видится не в ограничении государственной власти, а в усилении влияния масс (Р. 88–94).

Неоднозначные высказывания по поводу политической ситуации в КНР приводит Ван Хуэй, участвовавший в 1989 г. в демонстрациях на площади Тяньаньмэнь. Ученый утверждает, что процессы либерализации экономики в Китае неотделимы от политических ре-

прессий. Ван считает, что единственно возможный способ для руководства КНР продвигать ненавистные народу рыночные реформы, превратившие одно из самых эгалитарных обществ мира в страну с неравенством выше, чем в США, без вспышки массовых беспорядков — это полагаться на репрессивные меры. Более того, по мнению Вана, снятие Бо Силая — это заговор прорыночных элит, манипулирующих общественным мнением через СМИ, с целью ликвидации возможных препятствий либеральному курсу. За Чунцинским инцидентом, привлечшим небывалое внимание, последует более глубокая маркетизация, большее расслоение общества, больше протестов и, следовательно, больше репрессий для контроля за недовольными. Ван Хуэй поддерживает политическую реформу в КНР, но считает, что она должна проходить в форме “массовой демократии”, т.е. открыто и с привлечением к участию больших масс народа с целью контроля над укоренившимися группами интересов (Р. 94–100).

Последняя статья данного раздела посвящена управлению интернетом. Ее автор Майкл Анти³ называет китайскую Интернет-политику “умной цензурой” (smart censorship) (Р. 101). Вместо того, чтобы просто блокировать Интернет-пространство, Китай следует стратегии “блокирования и клонирования” (block and clone) (Р. 101), согласно которой создаются “клоны” заблокированных международных сайтов: Baidu вместо Google, Sina Weibo вместо Twitter, Renren вместо Facebook, Youku вместо Youtube. Обилие китайских клонов разделило всемирную паутину на Internet и Chinanet. Таким образом, китайское руководство, с одной стороны, удовлетворяет общественную потребность в социальных сетях и, с другой, держит Интернет-серверы под контролем Пекина. Майкл Анти утверждает, что центральное правительство умело использует контроль над интернетом для избавления от неугодных политиков в регионах. Власти на какое-то время выборочно приостанавливают Интернет-цензуру для критики провинившихся политиков. Когда несдерживаемый шквал общественного гнева переполняет блогосферу, легитимность неугодного режиму сил падает до уровня когда их можно публично ликвидировать. “Умная цензура”, таким образом, усиливает позиции центральной власти визави местных оппонентов (Р. 100–106).

Анализ подходов китайских ученых к политической реформе свидетельствует об отсутствии консенсуса по вопросу вывода Китая из ловушки стабильности. Несмотря на то, что

все авторы признают абсолютную ценность демократии, их трактовки самого понятия “демократия” и приемлемых для Китая путей ее достижения различны. Возможно, такой плюрализм взглядов сам по себе уже является свидетельством глубинных перемен политической реальности Китая.

Аналогичный плюрализм мнений наблюдается и в отношении внешнеполитической стратегии КНР — третьего раздела книги.

“Кризис мощи” и внешняя политика КНР

Под кризисом мощи понимается несоответствие экономических возможностей Китая его внешнеполитической стратегии. Согласно Дэновской формуле *таогуан янхуэй*, Китай должен держаться в тени, избегать конфликтов и не инициировать международную деятельность. Такая стратегия была призвана обеспечить спокойную обстановку, необходимую для экономического развития. Теперь, когда Китай стал второй по объему экономики мира со стремительно растущими военными расходами и физическим присутствием во всех уголках планеты, оставаться в тени стало трудно и возникла необходимость смены внешнеполитических приоритетов.

Вопросы о том, как выходить из “кризиса мощи” и какую внешнюю политику проводить, стали предметом бурных и, как и в случае с “кризисом изобилия” и “кризисом стабильности”, неоднозначных дискуссий. С одной стороны глобалисты и “оборонительные реалисты” призывают принять западный миропорядок, так как именно факт усиления Китая диктует необходимость проявлять большую осторожность в международных делах. С другой стороны националисты выступают за более напористый внешнеполитический курс и более активное влияние на формирование правил международной политики.

Глобалист Ван Ичжоу призывает к смене установки “оставаться в тени” на политику “креативного вовлечения” (*creative involvement*) (Р. 106), согласно которой Китай должен интегрироваться в существующий миропорядок посредством более активного позиционирования себя в различных международных организациях. Помимо повышения активности в многосторонних форматах, Китай должен усилить оказание помощи нуждающимся регионам в форме строительства инфраструктурных и энергетических объектов, а также активнее предоставлять международные “общественные блага” — ресурсы, предназначенные

для согласованных международных действий в рамках ООН, такие как миротворческие силы, тренировочные базы, инициативы по защите открытого моря и полярных регионов. “Креативное вовлечение”, по мнению Ван Ичжоу, является наиболее предпочтительным вариантом выхода из тени, поскольку позволяет реализовать две важные внешнеполитические цели: во-первых, защитить интересы китайских граждан и бизнес вне Китая и, во-вторых, найти такие способы кооперации с внешним миром, которые ослабят критику в отношении Китая и развеют мифы о китайской угрозе (Р. 106–112).

Другой известный ученый Ван Цзисы разделяет убеждения Ван Ичжоу о необходимости сохранения хороших отношений с Западом, но считает, что Китаю следует быть еще более осторожным и, несмотря на экономические трудности в США и Западной Европе, не торопиться радоваться предположительно благоприятному балансу сил на международной арене. Взгляды Ван Цзисы, пожалуй, ближе всего к предписаниям Дэн Сяопина «оставаться в тени». По его мнению, несмотря на то, что Китай стал проводить более активную внешнюю политику, вкладывая все больше средств в накачку своей «мягкой мощи», общий имидж КНР в международном сообществе остается неудовлетворительным. Ван Цзисы указывает на то, что несмотря на смещения мирового баланса сил в пользу Китая, внешнеполитические перспективы страны выглядят мрачнее, чем когда-либо. Мощь Китая, таким образом, не улучшила внешнеполитическую ситуацию страны. Ученый опасается, что возросшая напористость Китая в вопросах Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, островов Дяоюйдао и границы с Индией спровоцировали восстановление американского влияния в Азии. В сложившейся ситуации в интересах Китая проявлять повышенную осторожность и обдуманность внешней политики (Р. 118–125).

С резко противоположными взглядами выступает приверженец политического реализма Янь Сюэтунь — ярый противник западного доминирования в международных делах. В своей статье под названием “Упадок однополярной конфигурации” Янь Сюэтунь фиксирует переход к биполярности, где основными полюсами будут США и КНР. В этом контексте, считает ученый, Китаю необходимо полностью пересмотреть внешнеполитические приоритеты эпохи начала экономических реформ. Так, в ответ на тезис о важности экономического развития Янь Сюэтунь заявляет, что экономика

должна встать на службу продвижения политических интересов Пекина; стремление к многополярности должно замещаться формированием биполярности; в ответ на принцип неприсоединения недвусмысленно говорится о необходимости создания союза с Россией для успешного противостояния мощи США, к принципу невмешательства добавляется “норма вмешательства”. “Ответственность” Янь Сюэ-тун понимает как активное предоставление союзникам КНР не только материальной помощи, но и гарантий безопасности. Если Китай будет следовать этим принципам, то Запад глубоко пожалеет об упреках в пассивности, адресованных КНР (Р. 112–118).

Вышеприведенный анализ дискуссии

о Китае 3.0. свидетельствует об отсутствии в китайском академическом сообществе однозначного взгляда на перспективы дальнейшего развития КНР. В этом, возможно, и заключается основное значение книги: она показала всю широту диапазона взглядов китайских ученых. Отсутствие унифицированного понимания является необходимым условием подлинной дискуссии. Очевидная плюрализация и даже поляризация подходов к объяснению экономических и социально-политических процессов в КНР говорят об отсутствии в китайской академической среде навязанных идеологических догм и о большей, чем раньше, свободе слова и мысли. Видимо, именно в этом и заключается главная особенность Китая эпохи 3.0.

© 2013

А. Королев.

Ph. D., профессор НИУ Высшая школа экономики.

-
1. “Новые”, потому что в отличие от «чистых коммунистов» считают, что рынок является неотъемлемой частью смешанной экономики, а “левые”, потому что уделяют большое внимание неравенству.
 2. Как ни странно, но подобная точка зрения активно продвигается бывшим научным руководителем докторской диссертацией Си Цзиньпина — профессором социологии Сунь Липином. В частности, статья Сунь Липина, включенная в данный сборник, посвящена демократическому потенциалу Уканьской модели.
 3. Майкл Анти — это авторский псевдоним ученого по имени Чжао Цзин.